

М. В. Жабреев

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье приведены позиции руководителей советского государства относительно необходимости полного уничтожения государства и права Российской империи и, как следствие, полного отказа от использования ее законодательства. Однако до июля 1918 г. большевики не могли реализовать свои радикальные планы, поскольку вынужденно делили власть с партией социалистов-революционеров (эсеров). Последние считали, что дореволюционное законодательство нужно применять, пока идет формирование нового советского законодательства.

Автор исследует архивные документы, содержащие сведения о применении дореволюционного законодательства новыми судами советского государства. Несмотря на нормативное закрепление возможности его применения, на практике советские суды отказывались от его использования, а свои судебные решения принимали на основе «революционного правосознания» и «велений революционной совести». Окончательное решение о запрете использования законодательства Российской империи и Временного правительства России для регулирования общественных отношений было нормативно закреплено в 1918 г. в новом положении о народном суде в связи с исключением представителей партии эсеров из состава всех Советов.

Ключевые слова: правоприменение, законодательство Российской империи, законодательство Временного правительства России, декреты о суде, «революционное правосознание», «веления революционной совести»

Для цитирования

Жабреев М. В. Правовое регулирование применения в советской России дореволюционного законодательства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 95–100. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95.

УДК 340.158

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95

В первый год советской власти одним из важнейших вопросов, которые предстояло решить руководителям государства, являлся вопрос о возможном применении законодательства Российской империи и Временного правительства России для регулирования общественных отношений.

Идеологической основой отношения новой власти к дореволюционному государству и праву выступило учение К. Маркса об отмирании государства и права [Роцин 2010: 51]. Как отмечают современные исследователи, итогом революционных преобразований

должно было стать уничтожение государства как инструмента подавления одних классов другими, а вместе с ним и права, которые многие считали злом [Крашенинников 2018: 9].

Первые лица советского государства неоднократно высказывались по данному вопросу. Так, В. И. Ленин заявлял, что революционные битвы обязательно разрушат буржуазную законность [Ленин 1948: 284]. Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка указывал, что задачи советского государства заключались в том, чтобы: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы [Стучка 1931: 91].

Несмотря на желание полностью отказаться от использования законодательства Российской империи и Временного правительства России, реальная политическая ситуация в стране не позволила большевикам одновременно реализовать свои радикальные планы. Дело в том, что до июля 1918 г. большевики не являлись единственной политической силой нового государства. Огромное влияние на население в то время имела также партия социалистов-революционеров (эсеров), члены которой были депутатами Советов всех уровней. Для принятия нужных большевикам решений они были вынуждены вступить в коалицию с левыми эсерами. Эта коалиционная власть приобрела черты общероссийской легитимности в 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов [Петров 2015: 32].

Главным вопросом, возникавшим при правоприменении, стал вопрос о повсеместном приоритете применения «революционного правосознания» вместо норм законодательства, что особенно сказывалось на судебных решениях

Левые социалисты-революционеры ратовали за то, чтобы приспособить дореволюционное законодательство к нуждам нового государства, при необходимости изменяя и дополняя его, до тех пор пока новое советское государство не примет достаточного количества собственных нормативных актов. Нормативные акты РСФСР в первый год учитывали такую позицию и предусматривали правовую возможность применения в советском государстве царского и буржуазного законодательства.

Первым актом, регулирующим порядок применения дореволюционного законодательства, явился Декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде», п. 5 которого позволял местным судам руководствоваться законами царского и Временного правительств лишь постольку, поскольку они не отменены «и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». При этом в примечании указывалась, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК и СНК, а также программам-минимум РСДРП и партии социалистов-револю-

ционеров [Кожевников 1948: 36; Полянский 1957: 108]. Как мы видим, в Декрете имеется ссылка не только на партийную программу РСДРП, но и на программу эсеров.

Следующий документ – Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1918 г. «О суде». Его ст. 8 гласила, что судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам Судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены декретам ЦИК и СНК «и не противоречат правосознанию трудящихся классов». В этом Декрете ссылка на партийные программы РСДРП и эсеров заменена на абстрактную формулировку «правосознание трудящихся классов», что в дальнейшем приводило к многочисленным сложностям и злоупотреблениям в правоприменительной практике.

Статья 36 этого же Декрета содержала аналогичную норму, согласно которой по гражданским и уголовным делам суды руководствуются действующими гражданскими и уголовными законами, поскольку они не отменены декретами ЦИК и СНК «и не противоречат социалистическому правосознанию». Появление данной нормы основывалось на позиции руководителей советского государства. Так, В. И. Ленин прямо указывал, что к гражданским правоотношениям надо применять не *corpus juris romani*, а «наше революционное правосознание» [Ленин 1960: 398].

В качестве источника «революционного правосознания», «правосознания трудящихся классов», «социалистического правосознания», «велений революционной совести» выступали представления конкретного судьи о революционной целесообразности. Судьям рекомендовали ссылаться в решениях и приговорах прямо на труды В. И. Ленина и К. Маркса как на «несомненные источники права и справедливости» [Скрипилёв, Антонова 1995: 51].

Главным вопросом, возникавшим при правоприменении, стал вопрос о повсеместном приоритете применения «революционного правосознания» вместо норм законодательства, что особенно сказывалось на судебных решениях. Например, в сфере уголовных наказаний новые судьи отказывались применять нормы дореволюционного законодательства и в своих решениях руководствовались соб-

ственным видением дела, исходя из сложившейся постреволюционной ситуации и военного времени. Так, в отчете отдела судопроцессуального Народного комиссариата юстиции РСФСР за апрель-май 1918 г.¹ обращалось внимание на то, что практика местных судов с первых же шагов столкнулась с явным противоречием между буквой Уложения о наказаниях и «революционным правосознанием». В этом нет ничего удивительного, потому что в п. 2 инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О Революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» закреплялось, что меру наказания Революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и «велениями революционной совести».

Принятый позже Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР») позволял судьям при вынесении судебных решений опираться не только на законодательство РСФСР, но и на политические решения советского правительства. Так, в ст. 4 указывалось, что в случае наличия пробела в правовом регулировании суд решает дела, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой советского правительства.

Стоит отметить, что в тот период у правоприменителей возникло стойкое убеждение в полной ненужности применения дореволюционного права, ибо все судебные дела можно разрешить на основе «революционного правосознания» правоприменителя. Например, в докладе руководителя отдела юстиции Астраханского губисполкома говорилось, что правосознание местных судей не допускает применения в своей деятельности царского законодательства², а в докладах председателей советов народных судей Ярославской и Саратовской губерний отмечалось, что все попытки соединить законодательство Российской империи с провозглашенными революцией началами были обречены на неудачу³.

Как следствие, местные суды практически не применяли дореволюционное зако-

нодательство, руководствуясь «революционным правосознанием», а вот окружные суды, укомплектованные во многом «старыми кадрами», применяли дореволюционные законы значительно чаще [Новицкая 1983: 52]. П. И. Стучка писал: «Прочие законы о разного рода договорах и сделках, о вознаграждении за убытки и т. д. в переходный период к новому общественному строю еще не отпали сразу, а отчасти соответствуют еще настоящим взаимоотношениям людей, почему и подлежат применению» [Стучка 1918: 30].

При рассмотрении уголовных дел советские суды применяли Уложение о наказаниях Российской империи, тем более что часть уголовных дел была возбуждена еще до свершения социалистической революции⁴. Народный комиссариат юстиции РСФСР в связи с отсутствием нового уголовного законодательства о самосудах над преступниками в своих письмах в местные органы юстиции прямо указывал на необходимость «возбуждать уголовное преследование по признакам 1451 и следующих ст. Уложения о наказаниях»⁵. Положение о следственной комиссии при революционном трибунале, утвержденное Народным комиссариатом юстиции РСФСР, предусматривало, что следственная комиссия при ведении дела руководствуется не отмененными и не противоречащими «революционному правосознанию» статьями законодательства Российской империи о судопроизводстве⁶.

Аналогичным образом решался вопрос о применении дореволюционного законодательства исполнительными органами. Например, согласно инструкции Высшего Совета Народного Хозяйства от 16 июня 1918 г.⁷ местным советам народного хозяйства в своей деятельности при проведении контроля за кооперацией необходимо руководствоваться постановлением Временного правительства России от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах».

В сфере трудовых отношений продолжали действовать Закон от 23 июня 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» и Устав о промышленном труде 1913 г.,

¹ Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 44.

² ГА РФ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

³ Там же. Д. 63. Л. 2.

⁴ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 29.

⁶ Там же.

⁷ ГА РФ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

которые согласно Декретам СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» и от 9 ноября 1917 г. «О вознаграждении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу в предприятия» продолжали применяться с учетом дополнений, внесенных указанными Декретами.

Нормативным актом, окончательно закрывшим вопрос о возможности применения в советской правовой системе дореволюционного законодательства, явилось Положение о народном суде РСФСР, принятое ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. Изменение подхода основывалось на постановлении V Всероссийского Съезда Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов от 9 июля 1918 г. «По докладу тов. Троцкого об убийстве Мирбаха и о вооруженном восстании левых эсеров» [Троцкий 1926: 295–304], в соответствии с которым представители партии левых социалистов-революционеров были исключены из состава всех Советов. Это означало, что необходимость учитывать мнение левых эсеров при принятии указанного Положения отсутствовала, исходя из чего принятое Положение уже не носило компромиссного характера, в отличие от двух предшествовавших нормативных документов.

В ст. 22 Положения закреплялось, что при рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты СНК, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием. В примечании к статье пря-

мо запрещались ссылки на «законы свергнутых правительств» в приговорах и решениях судов.

Таким образом, период применения в советском государстве законодательства царского и буржуазного правительств формально-юридически был ограничен одним годом, и не потому, что это было необходимо для регулирования общественных отношений ввиду отсутствия соответствующего советского законодательства, а потому что, как мы указали выше, для большевиков это являлось временной и вынужденной мерой для сохранения политического компромисса с партией социалистов-революционеров. Как только левые эсеры были удалены из состава Советов, применение всего законодательства Российской империи и Временного правительства России было сразу запрещено. Почти одновременно VI Всероссийский чрезвычайный Съезд Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов принял постановление от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов», в котором призвал всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

Как пишут современные исследователи, «в период после октябрьской революции и до начала 20-х гг. произошло уничтожение или значительное разрушение системы правовой деятельности России» [Крашенинников 2018: 38].

Список литературы

- Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1947 гг. М.: Юрид. изд-во, 1948. 376 с.
- Крашенинников П. В. Страсти по праву. Очерки о праве военного коммунизма и советском праве: 1917–1938. М.: Статут, 2018. 330 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений М.: Изд-во полит. лит., 1960. Т. 39. 839 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1948. Т. 16. 447 с.
- Новицкая Т. Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти // Правоведение. 1983. № 3. С. 48–54.
- Петров А. Г. Особенности формирования законодательства на этапе становления советской власти (1917–1919 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 31–34.
- Полянский Н. П. Первые страницы советской науки о суде // Правоведение. 1957. № 1. С. 107–111.
- Роцин Б. Е. Роль П. И. Стучки в становлении системы советского права (к 145-летию со дня рождения) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12. С. 50–52.
- Скрипшлёв Е. А., Антонова Н. А. К характеристике законодательства первого пятилетия Советской власти (1917–1922 гг.) // Теория права: новые идеи. 1995. Вып. 4. С. 49–61.

Стучка П. И. Народный суд в вопросах и ответах: неофициальное руководство с алфавитным предметным указателем и с приложением важнейших для Народного суда декретов Рабоче-крестьянского правительства. М.: Коммунист, 1918. 120 с.

Стучка П. И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М.: Сов. законодательство, 1931. 213 с.

Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 17. 795 с.

Михаил Владимирович Жабреев – заместитель первого проректора Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

Legal Regulation of the Application of Pre-Revolutionary Legislation in Soviet Russia

The paper shows the ideological positions of the leaders of the Soviet state regarding the need for the complete destruction of the state and law of the Russian Empire and, as a result, the complete rejection of the use of its legislation. However, until July 1918, the Bolsheviks were unable to implement their radical plans, as they were forced to share power with the Socialist Revolutionary Party, whose members believed that the pre-revolutionary legislation should be applied while the formation of new Soviet legislation was underway.

The author examines archival documents containing information on the application of pre-revolutionary legislation by the new courts of the Soviet state. Despite the normative consolidation of the possibility of its enforcement, in practice, Soviet courts refused to use it, and made their judicial decisions on the basis of «revolutionary legal consciousness» and «the dictates of revolutionary conscience». The final decision to prohibit the use of the legislation of the Russian Empire and the Russian Provisional Government to regulate public relations was normatively fixed in 1918 in a new regulation on the people's court, in connection with the excluding the representatives of the Left Socialist Revolutionary Party from all Soviets.

Keywords: law enforcement, legislation of the Russian Empire, legislation of the Russian Provisional Government, decrees on the court, «revolutionary legal consciousness», «dictates of revolutionary conscience»

Recommended citation

Zhabreev M. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya v sovetskoj Rossii dorevoljucionnogo zakonodatel'stva [Legal Regulation of the Application of Pre-Revolutionary Legislation in Soviet Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 95–100, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95.

References

Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda. 1917–1947 gg.* [History of the Soviet Court. 1917–1947], Moscow, Yurid. izd-vo, 1948, 376 p.

Krashennnikov P. V. *Strasti po pravu. Oчерki o prave voennogo kommunizma i sovetskom prave: 1917–1938* [Passions of the Law. Essays on the Law of Military Communism and the Soviet Law: 1917–1938], Moscow, Statut, 2018, 330 p.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1948, vol. 16, 447 p.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1960, vol. 39, 839 p.

Novitskaya T. E. Ispol'zovanie dooktyabr'skikh norm prava v pervyi god Sovetskoi vlasti [The Use of Pre-October Law Norms in the First Year of Soviet Power], *Pravovedenie*, 1983, no. 3, pp. 48–54.

Petrov A. G. Osobennosti formirovaniya zakonodatel'stva na etape stanovleniya sovetsoi vlasti (1917–1919 gg.) [Peculiarities of Formation of Legislation at the Stage of Formation of Soviet Power (1917–1919)], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2015, no. 3, pp. 31–34.

Polyanskii N. P. Pervye stranitsy sovetsoi nauki o sude [The First Pages of the Soviet Science of Court], *Pravovedenie*, 1957, no. 1, pp. 107–111.

Roshchin B. E. Rol' P. I. Stuchki v stanovlenii sistemy sovetsoego prava (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [The Role of P. I. Stuchka in the Formation of the System of Soviet Law (to the 145th Anniversary of His Birth)], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2010, no. 12, pp. 50–52.

Skipilev E. A., Antonova N. A. K kharakteristike zakonodatel'stva pervogo pyatiletiya Sovetskoii vlasti (1917–1922 gg.) [To the Characteristic of the Legislation of the First Five Years of Soviet Power (1917–1922)], *Teoriya prava: novye idei*, 1995, vol. 4, pp. 49–61.

Stuchka P. I. *Narodnyi sud v voprosakh i otvetakh: neofitsial'noe rukovodstvo s alfavitnym predmetnym ukazatelem i s prilozheniem vazhneishikh dlya Narodnogo suda dekretov Rabochekrest'yanskogo pravitel'stva* [The People's Court in Questions and Answers: an Unofficial Guide with an Alphabetical Subject Index and with the Appendix of the Most Important Decrees of the Workers' and Peasants' Government for the People's Court], Moscow, Kommunist, 1918, 120 p.

Stuchka P. I. *Revolutsionnaya rol' sovetsoego prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa «Vvedenie v sovetsoe pravo»* [The Revolutionary Role of Soviet Law: A Reader's Handbook for the Course «Introduction to Soviet Law»], Moscow, Sov. zakonodatel'stvo, 1931, 213 p.

Trotsky L. D. *Sochineniya* [Essays], Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1926, vol. 17, 795 p.

Mikhail Zhabreev – deputy first vice-rector, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

Дата поступления в редакцию / Received: 14.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 12.12.2022